

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.12882

EDN: XSBXCW

Идея «восстановления погибшего человека» в русской классике (Достоевский, Толстой, Чехов)

С. А. Кибальник

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Аннотация. «Восстановление погибшего человека» Достоевский считал «основной мыслью всего искусства девятнадцатого столетия». Именно это и составляет внутренний сюжет многих произведений писателя. Такое «восстановление» не столько происходит, сколько предполагается в некоторых из них («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»). При этом в обоих произведениях оно не только не показано, но едва намечено. Между тем находятся исследователи, которые полагают, что Дмитрий Карамазов не идет на каторгу, а бежит в Америку — такому толкованию способствует открытый финал романа. В то же время у Достоевского есть, напротив, «погибшие герои»: «подпольный парадоксалист», Алексей Иванович из «Игрока», Свидригайлов, Ставрогин. Иногда «воскресение нового человека» происходит в таких героях Достоевского, от которых этого нельзя было ожидать, например, в «Бесах» Степан Трофимович Верховенский. В таких взаимосвязанных произведениях русской литературной классики, как «Идиот» Достоевского и «Воскресение» Толстого, в центре внимания находятся попытки спасения «падшей женщины». Эту тему, понятую вслед за Достоевским именно как «восстановление погибшего человека», Толстой даже вынес в заглавие своего романа. В «Воскресении» Толстой фактически переписал сюжетную линию Мышкина, Тоцкого и Настасьи Филипповны. При этом он сделал сюжет романа «Идиот» более жизненным. У Достоевского один герой — Тоцкий — соблазняет и использует Настасью Филипповну, а другой — князь Мышкин — пытается ее спасти. У Толстого князь Нехлюдов расплачивается за свой собственный грех. Трансформация в «Воскресении» сюжетных ситуаций романа «Идиот» направлена на их счастливое разрешение, однако к нему приводит не раскаяние Нехлюдова в содеянном, а тихое самопожертвование Катюши Масловой. В отличие от Мышкина и Нехлюдова, герой повести Чехова «Моя жизнь» задуман не как «положительно прекрасный человек» и уж тем более не как Христос. Однако каким-то непостижимым образом цели своей он, в отличие от Мышкина и Нехлюдова, достигает. Судя по всему, такова, по мысли Чехова, сила не просто слова, а благодетельного примера. Мисаил пытается найти путь, согласный с совестью, и тем самым подает благодетельный пример всему своему

окружению. Таким образом, в зрелом творчестве Чехова постоянно ощущается опора на эстетику «преобразования человека», а тема *mutatis mutandis* оказывается общей для всей русской литературной классики — от Пушкина до Достоевского, Толстого и Чехова.

Ключевые слова: восстановление, погибший человек, Достоевский, Преступление и наказание, Братья Карамазовы, Лев Толстой, Чехов, русская литературная классика

Для цитирования: Кибальник С. А. Идея «восстановления погибшего человека» в русской классике (Достоевский, Толстой, Чехов) // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 157–175. DOI: 10.15393/j9.art.2024.12882.EDN: XSBXCW

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.12882

EDN: XSBXCW

The Idea of “Restoration of a Ruined Person” in Classic Russian Literature (Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov)

Sergey A. Kibalnik

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Abstract. Dostoevsky considered “restoration of a ruined person” to be “the key idea of all art of the nineteenth century.” This is exactly what makes up the inner plot of many of the writer’s works. Such a “restoration” is not so much actually happening as it is implicit in some of them. This is the case in “Crime and Punishment” and “The Brothers Karamazov.” At the same time, in both works it is not only not articulated, but is barely outlined. Meanwhile, there are researchers who believe that Dmitry Karamazov is not sent to hard labor, but flees to America — this is how open the novel’s ending is. At the same time, Dostoevsky has, on the contrary, “ruined heroes,” i. e., the “underground paradoxalist,” Alexey Ivanovich from “The Gambler,” Svidrigailov, Stavrogin. Sometimes the “resurrection of a new man” occurs in the most unlikely Dostoevsky’s characters. One of such characters in “Demons” is Stepan Trofimovich Verkhovensky. In such deeply interconnected works of Russian literary classics as Dostoevsky’s “Idiot” and Tolstoy’s “Resurrection”, attempts to save the “fallen woman” are in the center of attention. Tolstoy even included this theme, understood after Dostoevsky precisely as “the restoration of a ruined person,” in the title of his novel. In “Resurrection,” Tolstoy actually rewrote the storyline of Myshkin, Totsky and Nastasia Filippovna. At the same time, he remade the plot of the novel “Idiot” into a more realistic one. In Dostoevsky,

one of the characters, Totsky, seduces and uses Nastasia Filippovna, while another, Prince Myshkin, tries to save her. In Tolstoy, Prince Nekhludoff pays for his own sin. The transformation in the “Resurrection” of the plot situations from the novel “Idiot” is aimed at their happy resolution; meanwhile it is not Nekhludoff’s repentance for his actions, but Katyusha Maslova’s quiet self-sacrifice that leads to it. Unlike Myshkin and Nekhludoff, the hero of Chekhov’s novella “My Life” is by no means conceived as a “positively wonderful person,” much less Christ. However, in some incomprehensible way, unlike Myshkin and Nekhludoff, he achieves his goal. Apparently, such, according to Chekhov, is the power of not just a word, but a beneficent example. Misail tries to find a path consistent with his conscience, and thereby sets a beneficent example to his entire environment. Thus, in Chekhov’s mature works, there is a constant reliance on the aesthetics of the “transformation of man.” So, this theme turns out, *mutatis mutandis*, to be common to all Russian literary classics — from Pushkin to Dostoevsky, Tolstoy and Chekhov.

Keywords: restoration, the ruined person, Dostoevsky, Crime and Punishment, the Brothers Karamazov, Leo Tolstoy, Chekhov, Russian literary classics

For citation: Kibalnik S. A. The Idea of “Restoration of a Ruined Person” in Classic Russian Literature (Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 157–175. DOI: 10.15393/j9.art.2024.12882. EDN: XSBXCW (In Russ.)

1

Содержание литературного творчества и природу влияния Сего на читателя классики русской литературы второй половины XIX в. представляли себе немного по-разному. Так, Ф. М. Достоевский «основной мыслью всего искусства девятнадцатого столетия» в начале 1860-х гг. считал «восстановление погибшего человека»:

«Его (Виктора Гюго. — С. К.) мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия, и этой мысли Виктор Гюго как художник был чуть ли не первым провозвестником. Это мысль христианская и высоконравственная; формула ее — **восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков** (здесь и далее полужирным выделено мной. — С. К.). Эта мысль — оправдание униженных и всеми отринутых парий общества. <...> Виктор Гюго чуть ли не главный провозвестник этой идеи “восстановления” в литературе нашего века»¹.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. С. 28–29. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Именно «восстановление погибшего человека» составляет внутренний сюжет многих произведений самого Достоевского: его романов «Бедные люди» (1846) и «Униженные и оскорбленные» (1861). Между прочим, у В. Гюго также есть поэма «Бедные люди» (“Les pauvres gens”), которая была напечатана в 1859 г. Следовательно, Достоевский не заимствовал заглавие своего одноименного романа, опубликованного еще в 1846 г. Да и Гюго, создавая свою поэму, разумеется, не знал о романе Достоевского². Совпадение заглавий — всего лишь показатель близости эстетических устремлений Гюго Достоевскому 1840-х — первой половины 1860-х гг. Примерно в этом же русле написаны и «Записки из Мертвого дома» (1862), в которых Достоевский, увлекшись идеями «социального христианства» [Кибальник, 2021b: 175–222], вслед за Гюго несколько идеализировал тип преступника [Шаламов].

Начиная с «Записок из подполья» (1863), акцент с «гнета обстоятельств» переносится у Достоевского на внутренние проблемы самого человека. Его романы второй половины 1860 — 1870-х гг.: «Игрок», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» — иногда называют «идеологическими» [Энгельгардт]. Между тем в действительности Достоевский показывает в них разрушительность увлечения его героев — от Раскольникова и Кириллова до Ипполита Терентьева и Аркадия Долгорукого — теми или иными идеями. При этом фанатичное, слепое увлечение близкими самому Достоевскому идеями, которое имело место в случае с Иваном Шатовым или Иваном Карамазовым, также оказывается у него гибельным. Спасительным же изображено следование стихии «живой жизни», которое отчасти исповедовали Лиза

² Эта сентиментально-романтическая тема Гюго и Достоевского представлена и в современном искусстве. Например, она развита в кинофильме Ларса фон Триера «Танцующая в темноте» (“Dancer on the Dark”, 2000). Изображение гибели современного человека, «задавленного несправедливо гнетом обстоятельств», не случайно выдержано в нем в стилистике мюзикла — с отчетливой ориентацией на французско-канадский мюзикл «Нотр-Дам де Пари» (1998). В то же время сюжетная линия главной героини отчетливо соотнесена с линией Фантины в романе Гюго «Отверженные» (1862).

в «Записках из подполья» или мать Аркадия и Лизы Софья Андреевна Долгорукая³ в «Подростке».

«Восстановление погибшего человека» как таковое у Достоевского почти нигде не изображается. Быть может, только в образе «таинственного посетителя» из «Братьев Карамазовых»⁴. Если же говорить о главных героях произведений Достоевского, то таким героем выступает старец Зосима. Однако, во-первых, он никогда не был в полной мере «погибшим», а во-вторых, его заблуждения молодых лет показаны в ретроспекции. Так что в случае с ним в сюжете романа изображено не столько «восстановление погибшего человека», сколько воспоминания о заблуждениях молодости духовно зрелого человека.

Тем не менее некоторые герои Достоевского оказываются постепенно как бы подведены к духовному «восстановлению»⁵. Таковы Родион Раскольников, Аркадий Долгорукий, Дмитрий Карамазов. Характерно, что финал «Братьев Карамазовых» истолковывается самым разноречивым образом. В то время как одни исследователи полагают, что Дмитрий Карамазов пойдет на каторгу, другие убеждены, что он убежит в Америку. У романа достаточно открытый финал. Только исходя из его общей художественной логики и художественной логики других произведений Достоевского, мы можем судить о том, насколько верно суждение Алеши в его «Речи у камня» о том, что Дмитрий «**пойдет в ссылку**» (*ДЗ0*; т. 15: 195; см.: [Кибальник, 2021а: 22–29]).

Иногда «восстановление погибшего человека» происходит в таких героях Достоевского, от которых, казалось бы, этого никак нельзя было ожидать. При этом их нельзя считать в полной мере погибшими. Одним из таких героев в «Бесах»

³ Имя-отчество героини Достоевского, совпадающее с именем-отчеством жены Льва Толстого, — вполне возможно, еще одно скрытое послание от него Льву Толстому. Если учитывать имя князя — Лев Николаевич Мышкин, это предположение кажется вполне вероятным.

⁴ Благодарю за это соображение Елену Алексеевну Федорову.

⁵ Тема эта даже у Достоевского и Толстого, не говоря уже о Чехове и других писателях, далеко не обязательно сопровождается «пасхальной» символикой, так что называть ее «пасхальной», может быть, стоит только метафорически. Ср.: [Есаулов].

является отец Петра Верховенского Степан Трофимович, который в финале романа испытывает нечто вроде подобного «восстановления» (см. об этом: [Кибальник, 2022b: 196–205]).

Впрочем, есть у Достоевского и иной случай — когда мы расстаемся с его героем, зная, что он, вероятно, погибнет. Так, «подпольный парадоксалист», скорее всего, никогда не вырвется из череды своих «парадоксов» (*Д30*; т. 5: 179), Алексей Иванович — из водоворота игры⁶, «генерал» «Игрока» — из водоворота своей безумной и безответственной страсти к Mlle Blanche, Петр Верховенский — из череды своих провокаций. Свидригайлов и Ставрогин даже кончают жизнь самоубийством, так что никакое «восстановление», по крайней мере в земной жизни, им точно не предстоит.

О некоторых из этих героев и говорится как о «погибших». Только если о «генерале» и Алексее Ивановиче это говорит мистер Астлей⁷, то о Настасье Филипповне — Тоцкий и Епанчин, которые сами нуждаются в «восстановлении».

⁶ Это представление оспорила Т. С. Карпачева: «...с учетом того, что автор "доверяет" ему (Алексею Ивановичу. — С. К.) свои сокровенные мысли, называет поэтом, недвусмысленно выражает свои симпатии к герою, засвидетельствованные женой, и трижды (!) заставляет повторить слова о воскресении из мертвых, нельзя не прочитать в финале романа упование автора на воскресение героя» [Карпачева: 63–64]. В такой точке зрения как будто бы есть резон, ведь мистер Астлей отличается чрезмерным рационализмом, так что, исходя из этого, и его пророчество: «Вы будете здесь еще чрез десять лет» (*Д30*; т. 5: 314) — может оказаться не таким уж безусловным. Проблема в том, что, рассуждая таким образом, мы выходим за пределы художественного мира этого романа Достоевского и уже вне его пытаемся достроить будущее героя. Сам Алексей Иванович говорит о себе, с одной стороны, что он «просто сгубил себя», а с другой: «Я завтра могу из мертвых воскреснуть и вновь начать жить!» (*Д30*; т. 5: 311). Однако случившееся с ним он сам называет «катастрофой», «всем этим недавним вихрем, захватившим <...> [его] тогда в этот круговорот и опять куда-то выбросившим» (*Д30*; т. 5: 281), это и изображено в романе. Если «воскрешение» Раскольникова определенно намечено в эпилоге романа, то в случае с Алексеем Ивановичем этого нет.

⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2016. Т. 5. С. 277, 353. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д35* и указанием тома и страницы в круглых скобках. См. также об этом примечания: (*Д35*; т. 5: 561–605) и [Кибальник, 2019].

Не удастся спасти и таких героинь произведений Достоевского, как Настасья Филипповна Барашкова из романа «Идиот». Этому препятствует как ее характер, так и экзальтированное и апологетическое восприятие ее судьбы Мышкиным. На последнее ему прямо указывает Евгений Павлович Радомский:

«Как вы думаете: во храме прощена была женщина, такая же женщина, но ведь не сказано же ей было, что она хорошо делает, достойна всяких почестей и уважения?» (ДЗ0; т. 8: 482).

«...В данном вопросе Евгений Павлович абсолютно прав, — полагает Л. А. Левина, — причем прав даже не только и не столько в отношении Настасьи Филипповны (в этом разговоре, собственно, и речь-то не о ней), сколько в отношении самого Мышкина. — <...> Пытаясь снять с другого бремя греха, Мышкин перекладывает его на свои плечи и обречен быть в конце концов смятым и раздавленным этой тяжестью, ибо "не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба" (Ин.: 3.27)» [Левина: 360, 368].

Таким образом, варианты воплощения темы «восстановления погибшего человека» у Достоевского довольно разнообразны. В ряде его произведений, скорее, развита мысль Евангелия от Иоанна о зерне, которое «принесет много плода», «аще умрет». Судя по всему, такова внутренняя художественная логика романа Достоевского «Идиот». Не сумев никого спасти, погибший для мира князь Мышкин остается светлой страницей в памяти едва ли не всех остальных героев произведения. Выражаясь словами самого Достоевского из подготовительных материалов к роману, «где только он [князь] ни *прикоснулся*» к жизни других людей, «везде он оставил неисследимую черту» (ДЗ0; т. 9: 242).

Мышкин действительно никого не спасает и при этом погибает сам. Но разве не почти то же самое произошло с Христом (см., напр.: [Кибальник, 2023b])?

2

В романе «Воскресение» (1889–1899) Лев Толстой вновь изобразил попытку спасения «падшей женщины». Эту тему, понятую вслед за Достоевским именно как «восстановление погибшего человека», он даже вынес в заглавие своего романа. В «Воскресении» Толстой фактически переписал сюжетную линию Мышкина, Тоцкого и Настасьи Филипповны. Тем самым он как бы ответил Достоевскому — уже после его смерти — на скрытое послание в свой адрес в романе «Идиот», выразившееся в том, что князь Мышкин носит имя Льва Николаевича, а также в ряде интертекстуальных отсылок к рассказу «Люцерн» (1857) и, возможно, к роману «Война и мир» (1863–1869).

При этом Толстой трансформировал сюжет романа «Идиот», попытавшись сделать его более жизненным. У Достоевского один герой — Тоцкий — соблазняет и использует Настасью Филипповну, а другой — князь Мышкин — пытается ее спасти. У Толстого князь Нехлюдов расплачивается за свой собственный грех⁸.

Однако Толстой не просто объединил в одном герое — князе Дмитрии Ивановиче Нехлюдове — Тоцкого и князя Мышкина. Как отметила Н. Перлина, «сюжетные ситуации "Воскресения" повторяют сюжетно-композиционные ходы "Идиота", но со счастливым исходом: Симонсон — Катюша — Нехлюдов; Рогожин — Настасья Филипповна — Мышкин. <...> Мышкин хочет любить Настасью жертвенной любовью, а братской — Аглаю и тем обеих губит, в то время как Катюша, уходя с Симонсоном, делает счастливым одного и освобождает другого» [Перлина: 122–123].

Центральная роль у Толстого переходит, таким образом, от героя к героине. «Сострадательная любовь», которую Мышкин испытывал к Настасье Филипповне, в «Воскресении» подвергается полемической интерпретации. Нехлюдов действительно «воскрешает» Катюшу к новой жизни своей

⁸ При этом «пасхальная» проблематика у Толстого лишена какой-либо предустановленной благостности. Показательно, что, как отметил В. Н. Захаров, «постыдный грех с Катюшей Масловой Нехлюдов совершил именно на Пасху — праздник не остановил его и не просветлил его душу» [Захаров: 120].

искренней готовностью разделить с ней все ужасы того положения, в которое в конечном счете вверг ее, соблазнив. Но показательно, что с самого начала он оказывается не готов к тому, что она будет, как и заслуживает, помилована:

«Он приготовился к мысли о поездке в Сибирь, о жизни среди сосланных и каторжных, и ему трудно было себе представить, как бы он устроил свою жизнь и жизнь Масловой, если бы ее оправдали»⁹;

«Пока она оставалась каторжной, брак, который он предлагал ей, был фиктивный и имел значение только в том, что облегчал ее положение. Теперь же ничто не мешало их совместному житью. А на это Нехлюдов не готовился»¹⁰.

В результате героиня, жертвуя собой, освобождает его от обещания жениться на ней:

«...она любила его и думала, что, связав себя с ним, она испортит его жизнь, а уходя с Симонсоном, освобождала его и теперь радовалась тому, что исполнила то, что хотела, и вместе с тем страдала, расставаясь с ним»¹¹.

Таким образом, выходом из сложившегося положения становится не «сострадательная» любовь героя, а обычная человеческая любовь героини. В то же время постепенное христианское прозрение Нехлюдова сопровождается многочисленными моментами духовной глухоты, в которых, по всей видимости, отразились этапы внутреннего развития самого Толстого.

3

Еще раньше роман Достоевского «Идиот» — в менее явной форме — отозвался у Чехова в его повести «Моя жизнь» (1896). Между прочим, заслуживает внимания вопрос о том, учитывал ли, и если да, то в какой мере, чеховскую «Мою жизнь» Толстой при создании окончательной редакции романа «Воскресение». Между тем сам Чехов обратился к этому сюжету,

⁹ Толстой Л. Н. Воскресение // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 32. С. 303.

¹⁰ Там же. С. 424.

¹¹ Там же. С. 432.

по-видимому, как раз услышав в чтении самого Толстого ранний вариант «Воскресения»¹².

Не касаясь этого вопроса, характер внутреннего диалога Чехова с Достоевским в этой повести хорошо показала Н. В. Живолупова: «...герой "Моей жизни" Мисаил подобен Идиоту по особым качествам его геройности и способу существования в мире (в финале рассказа это похоже на "монастырь в миру"). Как частный человек (к этому состоянию он стремится), он тоже идиот ("дурачком" его считает в начале рассказа весь город)...» [Живолупова: 15]¹³.

Чеховский Мисаил напоминает Мышкина даже тем, как его в повести называют, в основном по имени. В то же время, в отличие от героя Достоевского, в нем нет никаких претензий на то, чтобы быть «положительно прекрасным человеком», а уж тем более Христом¹⁴. Однако каким-то непостижимым образом цели своей, в отличие от Мышкина, которому в этом плане что-то удалось лишь в самом начале романа, он достигает. «...К концу происходит чудо, — пишет об этом Н. В. Живолупова, — как Мышкин "излечил" души жителей швейцарской деревни — сначала детей, а потом взрослых — от зла (история Мари), так и Мисаил изменяет нравы города — дети и молодые девушки сознают его "особость" и переходят от насмешек к состраданию» [Живолупова: 15]. Судя по всему, такова, по мысли Чехова, сила не просто слова, а благодетельного примера. В отличие от Мышкина и Нехлюдова, Мисаил

¹² См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1977. Т. 9: Сочинения. С. 502. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращений *Чехов, Сочинения*; *Чехов, Письма* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

¹³ Как показала А. Г. Головачева, некоторые образы романа Достоевского «Идиот» преломились в отдельных героях ранней чеховской пьесы «Безотцовщина» [Головачева: 310–312].

¹⁴ Ср. несколько иной взгляд на этот вопрос Н. В. Живолуповой: «...сюжетное действие обусловлено присутствием качества христоподобия в герое (это основная сюжетная коллизия — испытание окружающих, условно говоря, святостью героя). <...> нейтрализация в новозаветной традиции противоположения "мужественности" и "женственности" (в будущей жизни "не посягают", а будут, как "ангелы небесные") отзывается в героях Достоевского и Чехова» [Живолупова: 16, 18].

пытается найти путь, согласный со своей совестью, и тем самым подает благодетельный пример всему своему окружению.

Мысль эта реализуется в повести довольно своеобразно, а сам Мисаил, разумеется только с серьезными оговорками, может быть принят за попытку Чехова «переписать» образ князя Мышкина. Однако под пером Чехова он и должен был являть, конечно же, не «христианина» и «демократа какого-то непозволительного» (ДЗ5; т. 8: 351, 466), а что-то гораздо более простое. Тем более что, как известно, Мисаил, с его убежденностью в том, что каждый человек должен заниматься физическим трудом, в то же время совершенно отчетливо ориентирован на художественную мысль позднего Л. Н. Толстого¹⁵.

Это прежде всего проявляется в решении центральной темы «Моей жизни», которая связана не просто с внехристианским подвижничеством главного героя, но с отношением к нему двух ее главных героинь. При этом Маша Должикова — своего рода очевидный двойник доктора Благово — любит Мисаила эгоистической любовью, отдаленно напоминающей любовь к Мышкину Аглаи Епанчиной. Между тем Анюта Благово постепенно привязывается к Мисаилу, сама не сразу это осознавая и до самого конца никак не выказывая. Тем самым их отношения напоминают отношения между Мышкиным и Верой Лебедевой¹⁶.

Князь Мышкин в романе Достоевского то и дело ощущает симпатию к Вере Лебедевой и тут же забывает о ней. Совершенно аналогично ведет себя Мисаил по отношению к Анюте Благово:

«Я вспомнил, что Анюта Благово за все время не сказала со мною ни одного слова. "Удивительная девушка! — подумал я. — Удивительная девушка!"» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 213–214).

Что касается Маши Должиковой, то она откровенно стилизована под героинь Достоевского, от которых сходят с ума Свидригайлов, Аркадий Долгорукий: «Она ушла в читальню,

¹⁵ См. об этом: Скафтымов А. П. Собр. соч.: в 3 т. Самара: Век, 2008. С. 310–311.

¹⁶ См. об этом, напр.: [Лосский: 306].

шурша платьем, а я, придя домой, долго не мог уснуть» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 226).

При этом Анюта Благово испытывает к Маше Должиковой чувства, напоминающие те, что Лиза Тушина питает к Дарье Шатовой:

«...всего более поразил меня вид Лизаветы Николаевны с тех пор, как вошла Дарья Павловна: в ее глазах засверкали **ненависть и презрение**, слишком уж нескрываемые» (Д30; т. 10: 135).

Маша Должикова убеждена: «...м-ле Благово за что-то **ненавидит меня...**» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 236). И этим Анюта Благово напоминает, разумеется, уже не Веру Лебедеву, а скорее Настасью Филипповну в отношении к Аглае. Чеховская «Моя жизнь» откровенно полигенетична: в ее элементах встречаются черты разных героев произведений Достоевского.

Машу Должикову также притягивает к Мисаилу его неординарность, однако она в полной мере ее не осознает. Между тем Анюта Благово, хотя и не сразу, но начинает воспринимать жизненный путь Мисаила как своего рода призвание. «Когда ты не захотел служить и ушел в маляры, **я и Анюта Благово с самого начала знали, что ты прав**, но нам было страшно высказать это вслух» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 273), — говорит ему его сестра Клеопатра. Женитьбу Мисаила на Маше Анюта сразу воспринимает как «**новое испытание**» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 243), которое послал ему Бог.

Закономерен и итог повести. Мисаил постепенно все более осознает свое призвание и в последнем разговоре с отцом высказывает его, снова то и дело напоминая заветные идеи Толстого:

«Нужно одурять себя водкой, картами, сплетнями, надо подличать, ханжить или десятки лет чертить и чертить, чтобы **не замечать всего ужаса, который прячется в этих домах**» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 278).

Как Мышкину удалось что-то донести до жителей швейцарской деревни, а затем и до его петербургских новых знакомых, так и Мисаил, наконец-то, получает признание, хотя и самое скромное, которое, наверное, только и может быть у Чехова:

«То, что я пережил, не прошло даром. **Мои большие несчастья, мое терпение тронули сердца обывателей**, и теперь меня уже не зовут маленькой пользой, не смеются надо мною, и, когда я прохожу торговыми рядами, меня уже не обливают водой. К тому, что я стал рабочим, уже привыкли и не видят ничего странного в том, что я, дворянин, ношу ведра с краской и вставляю стекла; напротив, **мне охотно дают заказы, и я считаюсь уже хорошим мастером и лучшим подрядчиком, после Редьки...**» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 279).

Между тем финал Маши отзывается не только отъездом Свидригайлова в Америку, но и отчасти — парадоксальным образом — приглашением Кнуровым Ларисы (из «Бесприданницы» А. Н. Островского) «в Париж на выставку»: «...прощайте, я уезжаю с отцом **в Америку на выставку**» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 271). А Аня становится — как это только и может быть в повествовании со скрытыми евангельскими обертонами — не женой, не женщиной, а своего рода сестрой или **«верной последовательницей»** князя, которых Вера Лебедева напоминает в финальных главах романа «Идиот» (см. об этом: [Кибальник, 2022а: 45]).

До самого конца Мисаил остается в повести примером удивительной способности к жертвенной любви:

«И если бы она послала меня чистить глубокий колодец, где бы я стоял по пояс в воде, то я полез бы и в колодец, не разбирая, нужно это или нет» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 260).

В то же время о любви Мисаил сам ничего не говорит — о ней рассуждают другие. И прежде всего доктор Благово:

«Ваш Редька ненавидит меня и всё хочет дать понять, что я поступил с нею дурно. Он по-своему прав, но у меня тоже своя точка зрения, и я несколько не раскаиваюсь в том, что произошло. **Надо любить, мы все должны любить — не правда ли?** — без любви не было бы жизни; кто боится и избегает любви, тот не свободен» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 275).

О том, что такая его любовь стоила сестре Мисаила жизни, он быстро забывает:

«Ему хотелось заняться прививками тифа и, кажется, холеры; хотелось поехать за границу, чтобы усовершенствоваться и потом занять кафедру» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 273).

Только Мисаил и его сестра до конца сохраняют способность любить по-настоящему:

«У той — Америка и кольцо с надписью, думал я, а у этого — докторская степень и ученая карьера¹⁷, и только я и сестра остались при старом» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 275).

Доказательством нравственной правоты Мисаила в повести и является чистая, сдержанная и самоотверженная любовь к нему Анюты Благово:

«Потом, выйдя из кладбища, мы идем молча, и она замедляет шаг — нарочно, чтобы подольше идти со мной рядом. Девочка, радостная, счастливая, жмурясь от яркого дневного света, смеясь, протягивает к ней ручки, и мы останавливаемся и вместе ласкаем эту милую девочку. А когда входим в город, Анюта Благово, волнуясь и краснея, прощается со мною и продолжает идти одна, солидная, суровая. И уже никто из встречаемых, глядя на нее, не мог бы подумать, что она только что шла рядом со мною и даже ласкала ребенка» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 280).

4

Зато в некоторых других своих произведениях Чехов показал, как равнодушие окружающих к своим близким не позволяет уберечь их от беды или трагической ошибки (иногда это ведет и к их собственной гибели). Такова внутренняя логика повестей Чехова «Скучная история» (1889), «Палата № 6» (1892), пьесы «Три сестры» (1900).

Полемизируя в закамуфлированном виде с чрезмерным моральным ригоризмом Льва Толстого, в некоторых своих произведениях Чехов показал, что никогда не следует судить людей слишком поспешно и слишком сурово. Так, в его повести

¹⁷ Впрочем, неоднозначность образа доктора Благово выражается в том, что он не только многому научил героя, но и вызвал пробуждение души и любовь в его сестре: «Она опьянела от нашего счастья и улыбалась, будто вдыхала в себя сладкий чад, и, глядя на нее во время нашего венчания, я понял, что для нее на свете нет ничего выше любви, земной любви, и что она мечтает о ней тайно, робко, но постоянно и страстно» (Чехов, *Сочинения*; т. 9: 243).

«Дуэль» (1891) вооруженному принципами «социального дарвинизма» зоологу фон Корену, готовому истреблять таких, как грешный и слабавольный Лаевский, приходится в финале признать свою неправоту: настолько неожиданно и кардинально тот «преображается» после дуэли между ними.

Вообще зрелый Чехов в гораздо большей степени следует в кильватере художественной мысли Достоевского, чем Толстого¹⁸. То или иное «отклонение от нормы», которое он изображает в своих произведениях, имеет у него, как и отчасти у Достоевского, терапевтическое предназначение. Писатель верил, что простым изображением того, каковы на самом деле жизнь и современный человек, он сможет подвигнуть многих людей если не к нравственному перерождению, то к постепенному моральному совершенствованию. Разумеется, в отличие от Достоевского, «Истину ищет у Чехова не герой-идеолог, а обыкновенный "серенький" человек, которому писатель доверяет часть своего духовного опыта» [Грякалова: 395].

Так, чеховская «Дама с собачкой» представляет собой явную полемическую интерпретацию толстовской «Анны Карениной». Чехов воплощает в ней мысль о том, что подлинная любовь все же способна преодолевать любые препятствия. При этом в изображении духовного преображения Гурова он отчетливо опирается на мысль об особом воздействии любви на душу человека, которую Пушкин выразил в «Каменном госте», «Анджело» и своей любовной лирике (см. об этом: [Кибальник, 2023a]).

¹⁸ В большинстве своих произведений зрелого периода Чехов скорее полемизирует, чем солидаризируется с Толстым. Не случайно еще 27 марта 1894 г. он написал А. С. Суворину: «...толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6–7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода. Теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса. Война зло и суд зло, но из этого не следует, что я должен ходить в лаптях и спать на печи вместе с работником и его женой и проч. и проч. Но дело не в этом, не в "за и против", а в том, что так или иначе, а для меня Толстой уже уплыл, его в душе моей нет, и он вышел из меня, сказав: се оставляю дом ваш пуст. Я свободен от поста» (Чехов, Письма; т. 5: 283–284).

Можно сказать, что в зрелом творчестве Чехова постоянно ощущается опора на эстетику «преображения человека». Так что эта тема *mutatis mutandis* оказывается общей для всей русской литературной классики — от Пушкина до Достоевского, Толстого и Чехова.

Список литературы

1. Головачева А. Г. «Достоевский» след в творчестве Чехова // Чехов и Достоевский: по материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 3–5 октября 2016 г.): сб. науч. работ. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2017. С. 309–321 [Электронный ресурс]. URL: <http://allchekhov.ru/wp-content/uploads/2021/12/dostoevskij-skaf-1-544-rr.pdf?ysclid=lsg2u8ld1f915873108> (01.09.2023).
2. Грякалова Н. Ю. А. П. Чехов: поэзис религиозного переживания // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2002. Сб. 4. С. 383–397.
3. Живолупова Н. В. Достоевский и Чехов: аспекты архитектоники и поэтики. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2017. 268 с.
4. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2021. 264 с.
5. Есауловъ И. А. Пасхальность русской словесности. 2-е изд., доп. Магаданъ: Новое Время, 2020. 480 с.
6. Карпачева Т. С. Воскресение Игрока // Дискурс Некрасова и Достоевского: культурное наследие и его интерпретация: мат-лы Всерос. с междунар. участием науч. конф. (22–26 сентября 2021 г.). Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова; Ярославская обл. универс. науч. б-ка им. Н. А. Некрасова, 2021. С. 59–64.
7. Кибальник С. А. Денежные *Liaisons dangereuses* в романе Достоевского «Игрок» // *Cuaderno de Rusística Española*. 2019. Vol. 15. P. 127–135 [Электронный ресурс]. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/8464> (01.09.2023). DOI: 10.30827/cre.v15i0.8464
8. Кибальник С. А. Метафора свободы или аллегория самоубийства? «Америка» в художественном мире Достоевского // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 8–33 [Электронный ресурс]. URL: https://www.litda.ru/images/2021-11/LDA-2021-11_8-33_Kibalnik.pdf (01.09.2023). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-8-33 (a)
9. Кибальник С. А. Философский интертекст творчества Достоевского. СПб.: Петрополис, 2021. 364 с. (b)
10. Кибальник С. А. «Пескинская Мадонна» (Образ жены писателя на страницах романа Достоевского «Идиот») // Текст и традиция: альманах. СПб.: Росток, 2022. № 10. С. 25–46. (a)
11. Кибальник С. А. Тайнопись русских писателей: от Пушкина до Набокова. СПб.: Петрополис, 2022. 434 с. (b)

12. Кибальник С. А. Гипертексты «Анны Карениной» у Чехова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 3. С. 437–450 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/36785> (01.09.2023). DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-3-437-450. EDN: SAOAJQ (a)
13. Кибальник С. А. Тайна князя Мышкина: о романе Достоевского «Идиот» // Текст и традиция: альманах. СПб.: Росток, 2023. № 11. С. 98–106. (b)
14. Левина Л. А. Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Достоевский в конце XX века: сб. ст. М.: Классика плюс, 1996. С. 343–368.
15. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 406 с.
16. Перлина Н. Лев Николаевич Нехлюдов-Мышкин, или Когда придет Воскресение // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Акрополь, 1996. № 6. С. 118–124.
17. Чехов и Достоевский: по материалам Четвертых Международных Скафтымовских чтений (Саратов, 3–5 октября 2016 г.): сб. науч. работ. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2017. 543 с.
18. Шаламов В. Т. Об одной ошибке в художественной литературе // Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1998. Т. 2. С. 7–11.
19. Энгельгардт Б. М. Идеологический роман Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 71–109.

References

1. Golovacheva A. G. The Trace of Dostoevsky in Chekhov's Oeuvre. In: *Chekhov i Dostoevskiy: po materialam Chetvertykh mezhdunarodnykh Skafytymovskikh chteniy (Saratov, 3–5 oktyabrya 2016 g.): sbornik nauchnykh rabot [Chekhov and Dostoevsky: Based on the Materials of the Fourth International Skafytymov Readings (Saratov, October 3–5, 2016): Collection of Scientific Works]*. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2017, pp. 309–321. Available at: <http://allchekhov.ru/wp-content/uploads/2021/12/dostoevskij-skaf-1-544-rr.pdf?ysclid=lsg2u8ld1f915873108> (accessed on September 1, 2023). (In Russ.)
2. Gryakalova N. Yu. A. P. Chekhov: the Poetry of Religious Experience. In: *Khristianstvo i russkaya literatura [Christianity and Russian Literature]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, collection 4, pp. 383–397. (In Russ.)
3. Zhivolupova N. V. *Dostoevskiy i Chekhov: aspekty arkhitektoniki i poetiki [Dostoevsky and Chekhov: the Aspects of Architectonics and Poetics]*. Nizhny Novgorod, Dyatlovy gory Publ., 2017. 268 p. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty [The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]*. Moscow, Indrik Publ., 2021. 264 p. (In Russ.)

5. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Magadan, Novoe vremya Publ., 2020. 480 p. (In Russ.)
6. Karpacheva T. S. Resurrection of a Gambler. In: *Diskurs Nekrasova i Dostoevskogo: kul'turnoe nasledie i ego interpretatsiya: materialy Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoy konferentsii (22–26 sentyabrya 2021 g.)* [*Discourse of Nekrasov and Dostoevsky: Cultural Heritage and Its Interpretation: Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (September 22–26, 2021)*]. Yaroslavl, P. G. Demidov Yaroslavl State University Publ., Yaroslavl Regional Universal Scientific Library Named After N. A. Nekrasov Publ., 2021, pp. 59–64. (In Russ.)
7. Kibal'nik S. A. Money Liaisons Dangereuses in Dostoevsky's Novel "The Gambler". In: *Cuaderno de Rusística Española*, 2019, vol. 15, pp. 127–135. Available at: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/8464> (accessed on September 1, 2023). DOI: <https://doi.org/10.30827/cre.v15i0.8464> (In Russ.)
8. Kibal'nik S. A. A Metaphor of Freedom or an Allegory of Suicide? "America" in Dostoevsky's Works. In: *Literatura dvukh Amerik* [*Literature of the Americas*], 2021, no. 11, pp. 8–33. Available at: https://www.litda.ru/images/2021-11/LDA-2021-11_8-33_Kibalnik.pdf (accessed on September 1, 2023). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-8-33 (In Russ.) (a)
9. Kibal'nik S. A. *Filosofskiy intertekst tvorchestva Dostoevskogo* [*Philosophical Intertext of Dostoevsky's Works*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2021. 364 p. (In Russ.) (b)
10. Kibal'nik S. A. "Peskinskaya Madonna" (Image of the Writer's Wife on the Pages of Dostoevsky's Novel "The Idiot"). In: *Tekst i traditsiya: al'manakh* [*Text and Tradition: Almanac*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022, no. 10, pp. 25–46. (In Russ.) (a)
11. Kibal'nik S. A. *Taynopis' russkikh pisateley: ot Pushkina do Nabokova* [*The Secret Writing of Russian Authors: from Pushkin to Nabokov*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2022. 434 p. (In Russ.) (b)
12. Kibal'nik S. A. Anna Karenina's Hypertexts in Chekhov's Works. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [*RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 437–450. Available at: <https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/36785> (accessed on September 1, 2023). DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-3-437-450. EDN: SAOAJQ (In Russ.) (a)
13. Kibal'nik S. A. Prince Myshkin's Mystery: On Dostoevsky's Novel "The Idiot". In: *Tekst i traditsiya: al'manakh* [*Text and Tradition: Almanac*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2023, no. 11, pp. 98–106. (In Russ.) (b)
14. Levina L. A. Unrepentant Magdalene, or Why Prince Myshkin Could Not Save Nastasya Filippovna. In: *Dostoevskiy v kontse XX veka: sbornik statey* [*Dostoevsky in the End of the 20th Century: Collection of Articles*]. Moscow, Klassika plyus Publ., 1996, pp. 343–368. (In Russ.)

15. Losskiy N. O. *Dostoevskiy i ego khristianskoe miroponimanie* [*Dostoevsky and His Christian Outlook*]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 406 p. (In Russ.)
16. Perlina N. Lev Nikolaevich Nekhlyudov-Myshkin, or When Resurrection Comes? In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. St. Petersburg, Akropol' Publ., 1996, no. 6, pp. 118–124. (In Russ.)
17. *Chekhov i Dostoevskiy: po materialam Chetvertykh Mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chteniy* (Saratov, 3–5 oktyabrya 2016 g.): *sbornik nauchnykh rabot* [*Chekhov and Dostoevsky: Based on the Materials of the Fourth International Skaftymov Readings* (Saratov, October 3–5, 2016): *Collection of Scientific Works*]. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2017. 543 p. (In Russ.)
18. Shalamov V. T. On One Mistake in Literature. In: *Shalamov V. T. Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [*Shalamov V. T. Collected Works: in 4 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1998, vol. 2, pp. 7–11. (In Russ.)
19. Engel'gardt B. M. Dostoevsky's Ideological Novel. In: *F. M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [*F. M. Dostoevsky. Articles and Materials*]. Petersburg, Mysl' Publ., 1924, collection 2, pp. 71–109. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кибальник Сергей Акимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru

Sergey A. Kibalnik, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 10.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.12.2023

Принята к публикации / Accepted 22.12.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2024